

Цитаты как знаки прецедентных текстов

*© доктор филологических наук Ю. А. Сорокин,
кандидат филологических наук И. М. Михалева 1997*

Одним из способов существования прецедентных текстов являются цитаты. Цитаты выделяются в текстах не только формально, но и когнитивно, и эмотивно, позволяя возникать новому смыслу. Иными словами, цитаты могут существовать как автономно, так и быть знаками, указывающими на чужой текст и отсылающими к нему, фокусирующими и расфокусирующими значения/смыслы двух или более сопологающихся текстов.

Цитаты функционально тождественны разнообразным “перефразировкам” чужого текста, являющимся результатом и сознательной, и бессознательной установки автора на структурирование прецедентного поля. Прецедентное поле текста активизирует в сознании реципиента когнитивно-эмотивные и аксиологические структуры, которые формируют смысловое поле текстов культуры, общее и для автора, и для читателя.

Актуализация прецедентного текста в некоторых свертках сигнализирует не только о передаче определенной информации (значения), но и целенаправленном воздействии на процесс понимания и интерпретации текстов, а также указывает на способ организации структурно-смыслового пространства текстов, в которые вводится прецедент. Существуют различные способы включения “текста в текст” (разнообразные формы цитирования)¹.

Цитата в процессе включения во вторичный текст оказывается ориентированной на два текста одновременно, на текст-источник и на “цитирующий” текст. Соотнесение одного текста с другим может быть представлено как соотнесение плана содержания и плана выражения исходного текста с планом содержания и планом выражения “принимающего” текста, что дает возможность описать прецедентную цитату с помощью некоторых признаков, характеризующих механизм ее функционирования в новом контексте, причем этот контекст оказывается семантически более насыщенным и значимым, чем другие фрагменты целостного текста. Эти признаки позволяют квалифицировать текст-

---

¹ В отношении обсуждаемых проблем особенно перспективной (из-за эlegantной креативности) является книга И. П. Смирнова “Психодиахронология. Психистория русской литературы от романтизма до наших дней” — М., 1994.

прецедент по следующим параметрам: маркированность — немаркированность, эксплицитность — имплицитность, утвердительность — полемичность, контекстуальность — имманентность. Данные признаки характеризуют степень “переводимости” прецедентного текста [Горюп, 1981], оказываясь весьма существенными при анализе связей между текстами.

Признаком маркированности цитата характеризуется в том случае, если в “принимающем” тексте присутствует определенное указание на прецедент, узнаваемый или неузнаваемый, знакомый или незнакомый, но легко выделяемый в тексте и имеющий свои границы. В некоторых случаях прецеденты выделяются и узнаются реципиентом без той или иной отсылки, что зависит от степени известности и хрестоматийности прецедентного текста и от культурного фонда коммуникантов.

Прецедентный текст маркируется, как правило, с помощью следующих признаков-дейксисов, существующих в значимом для коммуникантов материале: имя персонажа, обозначение достаточно известной литературной ситуации, название произведения, устоявшаяся цитата, воспринимаемая как литературный афоризм и др. Такого рода прецеденты являются “схемой” интерпретации данного фрагмента текста и “схемой” восстановления культурного фонда.

Для реципиента является необязательным восстановление всего прецедентного текста, но важными будут те избирательные признаки, которые “замещают” прецедентный текст и сигнализируют о его смысле/значении прецедентного текста (переакцентуации смысла/значения). Например, прецедентный текст Н.В. Гоголя (комедия “Ревизор”) представлен в тексте А.П. Чехова такими дейксисами, как фрагмент цитаты и отсылка к одному из персонажей пьесы: *“Один досужий Шпекин, любивший запускать глазенапа и узнавать, что “новенького в Европе”, составил некоторого рода статистическую табличку, являющуюся драгоценным вкладом в науку”* [Чехов, 1961, т.4: 382]. У Гоголя эта “цитата” представлена в следующем виде: *“Этому не учите, это я делаю не то чтобы из предосторожности, а больше из любопытства: смерть как люблю узнать, что новенького на свете”* [Гоголь, 1972: 35].

Маркированность прецедентного текста может быть и практически нулевой: “Наш романтик скорей сойдет с ума (что, впрочем, очень редко бывает), а плеваться не станет, если другой карьеры у него в виду не имеется, и в толчки его никогда не выгонят, а разве свезут в сумасшедший дом в виде “испанского короля”, да и то если уж он очень с ума сойдет” [Достоевский, 1989, т.3: 485]. Напомним, что испанским королем считал себя Поприщин, герой повести Н.В. Гоголя “Записки сумасшедшего”. В этом случае прецедентный текст “обозначается” с

помощью указания на выделенный признак (“испанский король”), который замещает прецедентный текст и отсылает к нему.

Признак эксплицитности — имплицитности маркирует прецедентный текст с точки зрения выраженности/невыраженности “свернутого” содержания. Если прецедентный текст характеризуется признаком эксплицитности, то знак, с помощью которого представлен прецедент, должен быть выражен в явной форме. Иными словами, прецедент выделяется в “принимающем” тексте как “чужое слово”, эксплицитно представленное в цитате (с отсылкой или без отсылки к исходному тексту).

Имплицитность указывает на взаимодействие прецедентного текста и “цитирующего” текста следующим образом: смысл/значение прецедентного текста (“свернутое содержание”) подразумевается или выражается частично. Например, Ю.М. Лотман отмечает, что поэтический текст может иметь скрытое значение для определенного круга друзей: в частности, “Пушкин несколько раз пользовался как паролем стихотворением Дельвига (“Простимся, братья! Руку в руку!”), позволяющим несколькими словами восстановить в сознании лицейских друзей атмосферу из юности” [Лотман, 1982: 20].

Имплицитность характерна для таких текстов-прецедентов, как скрытые цитаты, парафразы, реминисценции, аллюзии: “Прошло несколько времени. Минский по-прежнему продолжал ревностно заниматься науками с той только разницей, что полчаса его голова наполнялась и другими видениями. Часто в сумерки, на заре, мысли его резвились с удовольствием около каких-то живых идеалов. Иногда представлял он себе ножки, которые приводят нашего Пушкина в такое смущение, иногда эфирный стан, около которого складывается рука, иногда, и всего чаще, русую косу, любимую игрушку своего воображения, иногда...” [Погодин, 1984: 26-27]. (Прецедентный текст отсылает к исходному тексту и обобщенно передает его “свернутое” содержание, которое предполагается известным читателю.)

Признак контекстуальности связан со степенью смысловой и стилистической ориентации авторского (“принимающего”) текста на прецедентный. В этом случае “чужое слово” становится “своим”: “*Неужели все это была мечта — и этот сад, унылый, заброшенный, дикий, с дорожками, заросшими мхом, уединенный, угрюмый, где они так часто ходили вдвоем, надеялись, тосковали, любили друг друга так долго, “так долго и нежно”!*” [Достоевский, 1988, т.2: 172]. (Прецедентная цитата указывает на стихотворение М. Ю. Лермонтова “*Они любили друг друга так долго и нежно*” [Лермонтов, 1973: 83] и “приспосабливается” к смысловой и формально структуре “принимающего” текста.)

Прецедентный текст может также подчиняться авторскому контексту, внося свою смысловую доминанту в “чужой” текст, который “стремится к стиранию границ чужого слова” [Волошинов, 1929: 142]. В качестве примера приведем следующую прецедентную цитату: *“Но я предполагаю, что вы приехали в город безо всякой особенной цели и не имеете ни малейшего желания видеть сквозь видимый миру смех невидимые миру слезы, — вы приехали так себе, ни за чем, либо угоднику поклониться”* [Слепцов, 1986: 32-33]. В исходном тексте (“*Мертвые души*”) этот прецедент носит следующий характер: *“И долго еще определено мне чудной властью идти об руку с моими странными героями, озирать всю громадно-несущую жизнь, озирать ее сквозь видный миру смех и незримые ему слезы!”* [Гоголь, 1969: 164]. В этом случае прецедентный текст максимально ориентирован на “цитирующий” текст и предметно, и лексически, и синтаксически, и грамматически (прецедент контекстуален).

Текст характеризуется также признаком имманентности, если — независимо от способа включения — прецедент сохраняет свою систему смыслов и коннотаций, актуализация которых зависит от объема “общей памяти культуры”, но зависит от контекста. Такой прецедентный текст может функционировать самостоятельно и независимо от исходного текста и от нового контекста. Например, библейские тексты и цитаты, отсылающие к ним, максимально имманентны в любом окружении (если они, конечно, не пародируются): *“В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог”* [Евангелие от Иоанна].

К имманентным прецедентам относятся также крылатые фразы, литературные афоризмы, пословицы, поговорки, имена мифологических персонажей, героев литературных произведений (“вечные образы”): *“Человек — это звучит гордо”* [Горький], *“Свежо предание, а верится с трудом”* [Грибоедов], *“Быть или не быть — вот в чем вопрос”* [Шекспир]; *Обломов*, *Отелло*, *Плюшкин*, *“Герой нашего времени”*, *“Горе от ума”* и т.д. Такие прецедентные тексты указывают на культурный фонд представителей различных лингвокультурных общностей и часто “отрываются” от текстов-источников: *“«Все смешалось в доме Облонских», — пришло на память наркологу, когда Саманский, недолго думая, начал разговор о сексе вообще, о сексуальной революции в частности”* [Белов, 1987: 20]. Прецедентный текст (цитата из романа Л.Н. Толстого) такого рода существует как самостоятельный текст, как некая формула, указывающая на смысл прецедента и не нуждающаяся в широком контексте. Таким образом, признак контекстуальности — имманентности сигнализирует не только об ориентированности прецедентного текста на текст-

источник и на “цитирующий” текст, но и о степени хрестоматийности, общеизвестности и итеративности прецедентного текста.

В свою очередь *признак утвердительности — полемичности* указывает на диалогическое взаимодействие прецедентного текста и “принимающего” текста — взаимодействие, в процессе которого проявляется разное “отношение” одного высказывания к другому: спор, согласие, неприятие, отрицание “чужой” точки зрения, выраженной в прецедентном тексте.

Прецедентный текст как высказывание (в понимании М.М. Бахтина) предопределяет и эмотивное отношение к нему, существующее в форме текстовой модальности как характеристики положительного и отрицательного отношения к обозначаемому (к прецеденту). В связи с этим целесообразно различать два типа модальности, описывающие взаимодействие прецедентного текста и вторичного текста.

I тип. Принятие и “освоение” чужого текста или, иначе говоря, инкорпорация прецедентного текста в другое смысловое окружение, в результате чего новый текст начинает “работать” как генератор новой информации.

I тип модальности указывает на то, что связь, устанавливаемая между прецедентом и “принимающим” текстом, выражает положительную/утвердительную форму взаимодействия текстов: *“Любопытно, что Петрова, когда была просто мещанкой города Осташкова, то никто об ней не думал; но когда она стала играть, сейчас же явилась толпа поклонников и обожателей, в том числе и офицеров с предложением услуг, но она их всех*

*Отвергла, заперлась
... феей неприступной
И вся искусству предалась
Душою неподкупной”* [Слепцов, 1986: 123].

Прецедентный текст Н.А. Некрасова, являющийся “развернутым образным предикатом”, связан с субъектом действия, существующим в “чужой” речи — в тексте Слепцова. Этот предикат связывает в единое смысловое целое данный фрагмент текста, который противостоит окружающему контексту и строится на отношениях противопоставления и семантического “напряжения”. Причем прецедент входит в смысловой блок-текст “цитирующего” текста, противопоставленного другому смысловому блоку авторского текста, что позволяет “переключать” смысловые регистры и сигнализировать о совпадении/несовпадении аксиологических установок, выраженных в текстах.

Еще одним прецедентным текстом, относящимся к первому типу, является текст, выполняющий функции “нулевой” цитаты: *“От близкого*

разрыва встало облако кирпичной пыли, и, казалось, за клубился сказочный туман, люди на кровавых грудях кирпича и их оружие в красном тумане стали как в тот грозный день, о котором рассказано в “Слове о полку Игореве”. И неожиданно сердце девушки задрожало от нелепой уверенности, что ее ожидает счастье” [Гроссман, 1987, N 2: 27]. В данном случае использована не прямая цитата, а отсылки к “Слову о полку Игореве”, эмотивное поле которого совпадает с эмоционально-оценочным полем текста В. Гроссмана: “На другой день спозаранку кровавые зори свет предвещают, черные тучи с моря идут, хотят прикрыть четыре солнца, а в них трепещут синие молнии. Быть грому великому, идти дождю стрелами с Дону Великого!” [Слово о полку Игореве, 1978: 97].

II тип модальности. “Отчуждение”, отрицание или неприятие цитируемого “чужого” слова. В этом случае текст существует как противопоставление смысловых пространств: “В Дилижан влюбляешься с первого взгляда. И первая мысль влюбившего человека — сюда, только сюда надо приехать исцелять душу. Здесь можно найти покой, мир, тишину, ощутить прелесть вечерних гор, молчаливого леса, шуршащих ручьев. Но ведь это неверно. Не прав был молодой Лермонтов, написав:

... Тогда смиряется души моей тревога...

Ужасна, неугасима тревога человеческой души, ее не успокоишь, от нее не убежишь, перед ней бессильны и тихие сельские закаты, и молодой Дилижан. И вот Лермонтов не успокоил у подножия Машука свою тревогу” [Гроссман, 1988, N 11: 41].

Примером II типа модальности является переосмысление и переоценка поэтических и стилистических принципов того или иного направления в искусстве. В частности, в “Евгении Онегине” отношение А.С. Пушкина к романтической поэтике проявляется в виде авторский “игры” с “чужим текстом”:

*Он пел любовь, любви послушный,
И песнь его была ясна,
Как мысль девы простодушной,
Как сон младенца, как луна,
В пустынях неба безмятежных,
Богиня тайна и вздохов нежных:
Он пел разлуку и печаль,
И нечто, и туману даль,
И романтические розы;
Он пел те дальние страны,
Где долго в лоне тишины
Лились его живые слезы;*

*Он пел поблекший жизни цвет
Без малого в восемнадцать лет.*

В этой строфе — сигнале “поэзии” Ленского — переосмысляются романтические штампы, которые “контрастно сопоставлены в последнем стихе с иронически освещающей их авторской речью...” [Лотман, 1983: 185]. Эта цитата воспринималась читателем пушкинской эпохи как цитата, ориентированная на два, как минимум, исходных текста: на “обобщенный” романтический текст и на текст статьи В.К. Кюхельбекера: “У нас все мечта и призрак, все мечта и призрак, все мнится и кажется и чудится, все будто бы, как бы... В особенности же — туман” [Лотман, 1983: 190]. Такое двойное цитирование сигнализирует об амбивалентном наложении точек зрения: прецедентный текст отсылает к комплексу показателей “чужой поэтики”, которые переосмысляются и “не принимаются” поэтикой романа “Евгений Онегин”. Для читателя прошлого века этот прецедентный текст был, по видимому, узнаваем и маркирован, для современного читателя он оказывается значимым лишь в том случае, если ему удастся расшифровать и опознать его.

Таким образом, диалогические взаимодействия между текстами реализуются в форме текстовой модальности, существующей в диапазоне положительного/отрицательного отношения к прецедентному тексту, а эмотивно-аксиологическое поле художественного текста, включающего в свое структурно-смысловое пространство прецеденты, характеризуется повышенной “семантической насыщенностью” [Ларин]. Цитируемый и цитирующий тексты оказываются связанными отношениями противопоставления и сопоставления, дополнения или “сужения” смыслов, иными словами, находятся в оппозитивном или неопозитивном взаимодействии.

Как уже говорилось, цитата является одним из способов существования прецедентного текста и понимается в качестве семиотического знака, имеющего самостоятельный и автономный смысл и отсылающего к исходному тексту; иными словами, цитата замещает те или иные художественные и концептуальные структуры текста или какого-либо его фрагмента.

Позволяет ли не позволяет цитата восстановить прецедентный текст и дать адекватную интерпретацию сверхтексту (гипертексту) зависит, в свою очередь, от степени совпадения тезаурусов автора и читателя, — совпадения, направляющего читательские ассоциации в процессе формирования сложных отношений, возникающих между текстами. Цитирование как “способ индуцирования нужных ассоциаций, нужного настроения” [Пробст, 1981: 18] ориентировано на узнавание прецедент-

ной цитаты и контекста (на распредмечивание апперцептивной базы воспринимающего).

В качестве примера приведем четверостишие из стихотворения И. Северянина “Классические розы”:

*В те времена, когда роились грезы
В сердцах людей, прозрачны и ясны,
Как хороши, как свежи были розы
Моей любви, и славы, и весны...*

На первый взгляд может показаться, что строка “*Как хороши, как свежи были розы*” отсылает к известному тургеневскому стихотворению в прозе. Однако оно не является исходным цитируемым текстом, но представляет собой цитату второго порядка: эта строка заимствована из стихотворения И. Мятлева “*Розы*”, написанного в 1834 году:

*Как хороши, как свежи были розы
В моем саду! Как взор прельщали мой!
Как я молил весенние морозы
Не трогать их холодной рукой!*

Это четверостишие, конечно же, противоположно по своей семантико-эмотивной доминанте стихотворению И.С. Тургенева “*Как хороши, как свежи были розы...*”: “*Свеча меркнет и гаснет... Кто это кашляет там так хрипло и глухо? Свернувшись в калачик, жметя и вздрагивает у ног моих старый пес, мой единственный товарищ... Мне холодно... Я зябну... и все они умерли... умерли... Как хороши, как свежи были розы...*”

Цитату можно рассматривать и с точки зрения тождества или различия лексико-грамматических и структурно-семантических особенностей “передаваемого” высказывания, как называет цитату Л. Блумфилд [Блумфилд, 1969]. Совпадение плана выражения и плана содержания двух фрагментов текста позволяет цитате существовать в качестве лексически и грамматически нетрасформированного знака. Такого рода цитаты характеризуются клишированностью, афористичностью, синтаксической сложностью; нередко они “утрачивают” авторство и переходят в фонд крылатых слов и выражений, афоризмов и идиом, пословиц и поговорок, непосредственно связанных с тем или иным художественным текстом. Например, в материалы для паремиологического минимума входят такие цитаты, как “*А ларчик просто открывался*”, “*Как бы чего не вышло*”, “*А Васька слушает да ест*”, “*Суждены нам благие порывы*”, “*Еще одно последнее сказанье, и летопись окончена моя*”, “*Не хочу учиться, хочу жениться*”, “*С чувством, с толком, с расстановкой*” и т.д. [Пермяков, 1971].

Цитаты вариативно связаны с исходным текстом, что свидетельствует о разных уровнях их эволюции: от собственно цитаты до крылатых слов и выражений. Например, прецедентная цитата нередко вводится и оформляется как прямая речь, являясь одним из способов передачи чужой речи, сохраняющей свои лексико-синтаксические особенности и не приспособляющей их к воспринимаемому тексту. В свою очередь, несобственно-прямая речь как форма передачи “чужой речи” представляет собой качественно новое образование, характеризующееся совмещением в нем “чужой” и авторской речи: *“Зарницын, находясь в поло- жении Хлестакова, при тогдашней среде сильно тяготел бы и к хлестаковщине, и к репетилловщине. В эпоху, описываемую в нашем романе, тоже нельзя сказать, чтобы он не тяготел к ним. Но в эту эпоху ни Репетиллов не хвастался бы тем, что “шумим, братец, шумим”, ни Иван Александрович не рассказывал бы о тридцати тысячах скачущих курьерах и неудержимой чиновничьей дрожи, начинающейся непосредственно с его появлением в департамент”* [Лесков, 1989, т.4: 178-179]. Данный фрагмент характеризуется тем, что цитата из Грибоедова *“шумим, братец, шумим”* [Грибоедов, 1959: 89] формально инкорпорируется в синтаксическую конструкцию с косвенной речью, но грамматическая форма цитаты не подчиняется структуре авторской речи, сохраняя лексико-грамматические особенности исходного текста. (В цитате не изменена личная форма глагола и не элиминировано обращение (*“братец”*), что является обязательным при переводе прямой речи и косвенную.)

Цитат может быть представлена различными по линейной протяженности и объему фрагментами исходного текста: от законченного смыслового отрывка (высказывание, стихотворная строка или строфа) до слова или словосочетания. Цитата может существовать как семантически, грамматически и пунктуационно целостное образование или вообще не маркироваться языковыми (семиотическими) или семантическими средствами. Цитата может быть парцеллирована, и в этом случае актуализируется лишь ее некоторая смысловая “часть”. Минимальный объем цитаты не разрушает ее.

Цитата может существовать в цитирующем тексте как автономных и независимый, маркированный или немаркированный, эксплицитный или имплицитный фрагмент, однородный или неоднородный с окружающим контекстом. Например: *“Поверьте, чем проще, чем теснее круг, по которому пробегает жизнь, тем лучше; не в том дело, чтобы отыскивать в ней новые стороны, но в том, чтобы все переходы совершались своевременно. “Блажен, кто смолоду был молод...””* [Тургенев, 1963, т.4: 151]. Исходная цитата — *“Блажен, кто смолоду был мо-*

лод...” Пушкинская цитата выделяется кавычками, формально маркирована и эксплицитно выражена, что и позволяет охарактеризовать ее как неоднородную. Связь цитаты с окружающим контекстом — смысловая; формальная связь с авторской речью отсутствует.

Цитата или ее фрагмент могут без изменений включаться в текст и существовать в нем автономно: *“Санин взял записку — как говорится, машинально, — распечатал и прочел. Дজেма писала ему, что она весьма беспокоится по поводу известного ему дела и желала бы встретиться с ним тотчас”* [Тургенев, 1966, т. 11: 48]. Исходная цитата — *“Он подал руку ей. Печально (Как говорится, машинально) Татьяна молча оперлась, Головкой томною склонясь”* [Пушкин]. Микроцитата, заимствованная из этого прецедентного текста, существует автономно, не вступая в синтаксические связи с окружающим контекстом, и фиксируется как отдельная смысловая единица скобками. В тургеневский текст она переносится в виде автономной синтагмы и также выделяется пунктуационно. Микрофрагмент этой цитаты может быть охарактеризован как немаркированный, эксплицитный и контекстуальный.

Цитата или ее фрагмент существуют автономно в том случае, если они целостны в формальном и смысловом отношении: *“Мне было тогда лет двадцать пять, — начал он, — дела давно минувших дней, как видите. Я только вырвался на волю и уехал за границу...”* [Тургенев, 1964, т.7]. Кроме смысловых, пушкинская цитата не имеет иных связей с окружающим контекстом и выступает в роли комментария к тексту, в котором она используется. Исходная цитата — *“Дела давно минувших дней, Преданья старины глубокой”* [Пушкин, 1969, т.2: 364].

Цитата может быть фрагментирована, и такую цитату мы рассматриваем как “цитатный” предикат: *“Но вдова-приказничиха сама дорого стоила: она была из тех русских женщин, которая “в беде не сробеет, спасет; коня на скаку остановит, в горящую избу взойдет”, — протстая, здравая, трезвомысленная женщина с силою в теле, с отвагою в душе и с нежной способностью любить горячо и верно”* [Лесков, 1989, т.2: 5]. Исходная цитата — *“В игре ее конный не словит, В беде не сробеет — спасет! Коня на скаку остановит, В горящую избу взойдет!”* [Некрасов].

Цитата, существующая как фрагмент исходного текста, может быть представлена атрибутивным словосочетанием, “перенесенным” из текста-источника во вторичный текст. *“Гордость, глупая, фатовская, полная суетности. Мог ли пустой человек протянуть руку примирения, если я знал и видел, что за каждым моим движением следили глаза уездных кумушек и “старух зловещих”? Пусть лучше они осыплют ее насмешливыми взглядами и улыбками, чем разуверятся в “непреклонно-*

сти” моего характера и гордости, которые нравятся во мне глупым женщинам” [Чехов, 1960, т.2: 423-424]. Исходная цитата — “Мучителей толпа, В любви предателей, в вражде неумолимых, Рассказчиков неукротимых, Нескладных умников, лукавых простаков, Старух зловещих, стариков...” [Грибоедов]. Цитата включается в авторский текст без изменений, с сохранением инвертированного порядка слов (атрибутивное словосочетание “уездных кумушек” контрастирует с порядком слов прецедентной цитаты).

В ряде случаев прецедентное субстантивно-атрибутивное словосочетание используется в номинативном ряду в качестве “опорной точки” последующей амплификации: “Стол был сервирован на сто персон с роскошью изумительною. Дары всех стран назначили себе как бы рандеву на этом волшебном празднике. Тут и “шекснинска стерлядь золотая”, и питомец лесов кавказских — фазан, и столь редкая в нашем севере в феврале месяце земляника...”² [Салтыков-Щедрин, 1989, т.8: 320]. Исходная цитата — “Шекснинска стерлядь золотая, Каймак и борщ уже стоят...” [Державин]. (Цитата вводится в ряд однородных словосочетаний, соединенных сочинительной связью, который строится по модели инвертированного порядка слов, “задаваемого” цитатой.)

Цитата, существующая в виде фрагмента, нередко интенсифицирует атрибутивные характеристики и признаки “имени”. В этом случае заимствуются “образные” определения или эпитеты: “Ноябрь в начале. У нас был мороз градусов в одиннадцать: а с ним и гололедица. На мерзлую землю упало в ночь немного сухого снега, и ветер “сухой и острый” подымает и метет по скучным улицам нашего городка и особенно на базарной площади” [Достоевский, 1985: 331]. Исходная цитата — “На ручей, рябой и пестрый, За листком летит листок, И струей, сухой и острой, Набегает холодок” [Некрасов].

“Образное” определение может быть выражено однородным и согласованным прилагательным или причастием: “Нельзя же требовать от каждого, чтобы он тотчас понял бесплодность ума, “кипящего в действии пустом”...” [Тургенев, 1963, т.6: 169]. Исходная цитата — “И современный человек Изображен довольно верно С его безнравственной душой, Себялюбивой и сухой, Мечтанью преданной безмерно, С его озлобленным умом, Кипящим в действии пустом” [Пушкин]. При полном лексическом совпадении фрагмента цитаты грамматическая форма прецедента нарушается (изменяется падежная форма фрагмента цитаты), что обусловлено трансформацией формы определяемого слова.

---

² В цитате сохранена авторская пунктуация.

Фрагмент цитаты, отсылающий к исходному тексту, может также фокусировать внимание на обстоятельственных отношениях: *“... потом переехал в Петербург, вступил в министерство, достиг довольно места и в одну из частных своих поездок по своей казенной надобности вспомнил о своей старинной знакомой и завернул к ней, с намерением отдохнуть от забот служебных “на лоне сельской тишины!”* [Тургенев, 1963, т.4: 206]. Исходная цитата — *“Я наслаждался дуновеньем В лицо мне веющей весны На лоне сельской тишины!”* [Пушкин].

Цитата-фрагмент указывает на объектные отношения — отношения между действием и его объектом: *“... мои домашние обстоятельства потребовали моего возвращения в Россию. Этому я даже обрадовался; я почувствовал влечение, род недуга, увидеть Россию обновленную, мыслящую и серьезную, устроящую самое себя в долготу дней”* [Лесков, 1989, т. 5: 73]. Исходная цитата — *“А у меня к тебе влечение, род недуга, Любовь какая-то и страсть...”* [Грибоедов, 1959: 86]. Как и в исходном тексте, в лесковском высказывании немаркированная цитата выполняет функцию прямого дополнения, но дополнение “усложнено” зависимым фрагментом — неоднородным определением.

Итак, во-первых, прецедентный текст, как культурно-аксиологический знак представляет собой целостное, связанное, законченное в смысловом и формально отношении, эмотивное образование. Во-вторых, цитата как один из способов существования прецедентного текста является формой “устоявшегося” смысла, который мигрирует из текста в текст, отсылая к исходному тексту. В-третьих, “механизм” функционирования прецедентной цитаты можно описать с помощью таких шкальных признаков, как маркированность — немаркированность, эксплицитность — имплицитность, контекстуальность — имманентность, утвердительность — полемичность, что дает возможность выявить некоторые модусы “поведения” текста в тексте. В-четвертых, диалогическое взаимодействие между текстами реализуется в форме текстовой модальности. В-пятых, цитата или ее фрагмент может занимать различные семантико-синтаксические “позиции” в авторском тексте: предикатные, объектные, определительные и т.д. В-шестых, цитата и ее фрагмент могут “совпадать” или “не совпадать” с текстом-источником в лексико-грамматическом и структурно-семантическом отношении.

Л и т е р а т у р а

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.,
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
3. Белов В. Все впереди. М., 1987.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А. И. Изотов. - М.: «Филология», 1997. Вып. 2. - 124 с. ISBN 5-7552-0104-8

4. Блумфилд Л. Язык. М., 1968.
5. Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка. Л., 1929.
6. Гоголь Н.В. Ревизор. М., 1972.
7. Гоголь Н.В. Мертвые души. М., 1969.
8. Гроссман В. Жизнь и судьба // Октябрь. 1988. №№ 1-4.
9. Гроссман В. Добро Вам // Знамя. 1988, № 11.
10. Грибоедов А.С. Сочинения. М.-Л., 1959.
11. Державин Г. Алмаз сыплется гора. М., 1972.
12. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. М., 1985.
13. Достоевский Ф.М. Белые ночи. Собр. соч. в 15-ти тт. Л., 1988. Т.2.
14. Достоевский Ф.М. Петербургские сновидения в стихах и прозе. Собр. соч. в 15-ти тт. Л., 1988. Т. 3
15. Дресслер В. Синтаксис текста // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978. Выпуск VIII. Лингвистика текста.
16. Крылов И.А. Басни. М., 1984.
17. Лермонтов М.Ю. Поэзия. М., 1973.
18. Лесков Н.С. Однодум. Собр. соч. в 12-ти тт. М., 1982. Т. 2.
19. Лесков Н.С. Некуда. Собр. соч. в 12-ти тт. М., 1982. Т. 4.
20. Лесков Н.С. Смех и горе. Собр. соч. в 12-ти тт. М., 1982. Т. 5.
21. Лесков Н.С. Святочные рассказы. Собр. соч. в 12-ти тт. М., 1982. Т. 7.
22. Лотман Ю.М. Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя: пособие для учащихся. Л., 1982.
23. Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина "Евгений Онегин". Комментарий: пособие для учащихся. Л., 1983.
24. Некрасов Н.А. Избр. произв. в 2-х тт. М., 1965.
25. Пермяков Г.Л. Паремнологический эксперимент. Материалы паремнологического минимума. М., 1971.
26. Погодин М.П. Повести. Драма. М., 1984.
27. Пробст М.А. Текст в системах коммуникации // Проблемы структурной лингвистики 1979. М., 1981. С.5-16.
28. Пушкин А.С. Стихотворения. Собр. соч. в 6-ти тт. М., 1969. Т. 1.
29. Пушкин А.С. Евгений Онегин. Собр. соч. в 6-ти тт. М., 1969. Т. 4.
30. Салтыков-Щедрин М.Е. Современная идиллия. Собр. соч. в 10-ти тт. М., 1988. Т. 8.
31. Слепцов В.А. Письма об Осташкове // Проза. М., 1986. С.19-137.
32. Слово о полку Игореве // Пламенное слово: Проза и поэзия Древней Руси. М., 1978. С. 95-103.